

Тайные записки А. С. Пушкина. 1836-1837

Автор:

Михаил Армалинский

Тайные записки А. С. Пушкина. 1836-1837

Михаил Армалинский

Русская потаенная литература

Главный герой «Тайных записок», А.С. Пушкин, предстает в необычном ракурсе – в многообразии интимных связей, в непростых размышлениях о жизни, природе греха, любви и творчества, сложности жизненного пути русского поэта, приводящего его к трагическому концу. «Тайные записки» вызвали и продолжают вызывать шквал самых противоречивых оценок, многие пушкинисты считают их талантливой мистификацией. Но все это лишь подогревает к ним интерес.

Книга издана в двадцати четырех странах и заслуженно считается одним из самых скандальных образцов русской эротики. Этим изданием отмечается двадцатилетняя годовщина со времени первого издания «Тайных записок» в 1986 году.

Тайные записки А. С. Пушкина 1836-1837

Публикация Михаила Армалинского

Чей Пушкин?

Ты вот натворил невесть что, а отвечать кто будет? Пушкин?

Распространенная бытовая фраза

Подобно всякому великому явлению жизни, Александр Сергеевич Пушкин за двести лет существования в культуре стал не только предметом многочисленных исследований, научных открытий, гипотез и догадок. Вокруг личности поэта, как и вокруг других героев отдаленной или недавней русской истории – от Александра Невского до Бориса Ельцина, – естественным образом сложилась некая мифология. Притом и официальные биографические «жития», и сплетни кухонного типа, как правило, равно далеки от истины, которая на поверку оказывается чем-то более сложным и противоречивым, чем линейный ход жизни и деятельности героя того или иного российского мифа. Оно и понятно – любой такой герой в основе своей живой человек, а жизнь отнюдь не просто черно-белое явление.

Вот и Пушкин по-разному виделся своим современникам и потомкам. На это влияли и время и место – например, в феврале 1937 года в докладе Н. Тихонова в Колонном зале Дома Союзов на праздновании 100-летия со дня смерти Пушкина было сказано, что любовь к Пушкину, как и любовь к наркому Ежову, является формой любви к товарищу Сталину. Но в те же времена родился анекдот о двух «ворошиловских стрелках», искренне не понимавших, почему в центре Москвы стоит памятник Пушкину, хотя Дантес стрелял метче. Кроме реального Александра Сергеевича, в сознании читателя сосуществуют советизированный Пушкин Тынянова и легкомысленно-светский Пушкин «в жизни» Вересаева; М. Булгаков, сам ныне ставший классиком русской литературы, очень своеобразно отозвался устами своего героя о Пушкине в «Мастере и Маргарите»; «Мой Пушкин», – объявила со всей страстностью Марина Цветаева, но рядом с «ее Пушкиным» почти одновременно возникли Пушкин парадоксальных хармсовских анекдотов и Пушкин набоковских комментариев к «Онегину». Две московских средних школы носят имя Пушкина, но одна (расположенная на месте дома, где родился Александр Сергеевич) получила его в 1937 году к 100-летию со дня смерти поэта, другая (современная школа-лицей с усиленной гуманитарной программой) – в 1999-м к 200-летию со дня его рождения; в обеих, естественно, ученики уделяют особое внимание жизни и творчеству поэта, но как же не похож канонизированный в период «культ личности» Пушкин 37-го года на «солнце русской поэзии», особым блеском воссиявшее над свободной Россией в 99-м. Наконец, время от времени обнаруживаются ранее неизвестные документы и материалы, проливающие новый свет на жизнь и окружение Пушкина, и каждое следующее поколение по-своему перетолковывает пушкинский миф. Ибо в том и величие Пушкина, что он

остаётся для нас современником и его творчество актуально для России во все времена. Так чей же Пушкин наиболее «правильный»? И вообще – чей он, Пушкин? Общий. Так и должно быть, Пушкин – «наше все», и весь – наш, Пушкин общий и у каждого свой, каждый имеет право воспринимать великого поэта с той стороны, с какой он воспринимающему ближе. И вот перед нами ещё одна пушкинская ипостась.

В 1986 году в США под именем Пушкина вышла книга, породившая волну откликов, не умолкающих по сию пору[1 - Отклики на «Тайные записки» тогда же начали собираться Давидом Баевским и составили отдельную книгу. «Парапушкинистика» Давида Баевского за пятнадцать лет неоднократно переиздавалась и дополнялась. Для удобства читателя отклики на «Тайные записки», переписка издателей с «критиками» и комментарии Д. Баевского расположены в ней по хронологии, см.: Баевский Д. Парапушкинистика. Minneapolis: M.I.P. Company, 1996. Новейшие дополнения размещены на сайте издательства: <http://www.mipco.com>.]. В «Необходимом предисловии» её публикатор – поэт и прозаик Михаил Армалинский – рассказывает об истории обретения им рукописи «Тайных записок», и нет нужды эту историю повторять. Советская (и не только советская) печать сразу же обрушилась на издателя с бранью разной степени злобности – от брезгливого поджимания губ до требований чуть ли не физической расправы с публикатором. Книгу, естественно, объявили фальшивкой, хотя, надо сказать, Михаил Армалинский нигде и никогда не настаивал, что это подлинный пушкинский текст. Самого Армалинского обзывали эротоманом, извращенцем, распространителем порнографии и ещё по-всякому. Но самое большое возмущение вызвал сам факт того, что кто-то посмел посягнуть на «национальную святыню», которая многими понималась как национальный идол, сияющий в своей непорочной чистоте (у королей, как известно, не бывает ног, а великий поэт, видимо, не может быть наделен кое-чем другим; и на Солнце бывают пятна, но на «солнце русской поэзии» – ни-ни; и вообще, Пушкин испытывал лишь «души прекрасные порывы», души, а не плоти). Издатели не оставались в долгу и отругивались как умели, одновременно подзуживая обвинителей издать «Записки» на родине поэта и предоставить читателю самому судить, что к чему.

Шуму было много, что, естественно, порождало все новые волны интереса к «Тайным запискам». Окутанная ореолом запретности книга переиздавалась и переводилась на иностранные языки. За пятнадцать лет «Записки» выдержали несколько русско-американских изданий, были выпущены во многих странах, и было бы поучительно привести список целиком.

Итак, по данным на май 2001 года эта книга опубликована на следующих языках:

- русском: Пушкин А. С. Тайные записки 1836–1837 годов. Minneapolis: M.I.P. Company, 1986. Последующие переиздания – 1989, 1991, 1993, 1994, 1995, 1997;
- английском: Pushkin A. S. Secret Journal 1836–1837. Minneapolis: M.I.P. Company, 1986. Отрывки напечатаны в журнале: Penthouse Forum. New York, 1991. February. P. 50–53, 84, 86;
- итальянском: Aleksandr S. Puškin Diaro segreto 1836–1837. Roma: bucarini Editore, 1991. Отрывки напечатаны в римском журнале: L'Espresso. 1991. № 43. P. 110–112.
- немецком: Alexander S. Puschkin Geheimes Tagebuch 1836–1837. Frankfurt am Main: Eichborn Verlag, 1992. Отрывки напечатаны в немецком издании журнала «Penthouse», см.: Penthouse. München, 1992. № 9. S. 66–70;
- французском: Alexandre S. Pouchkine Journal secret (1836–1837). P.: Sortilèges Les Belles Lettres, 1994. Отрывки напечатаны во французском издании журнала «Penthouse», см.: Penthouse. Paris, 1994. Septembre. P. 64–67, 158;
- греческом: ????????? ? . ????????? ????????????? 1836–1837. Athens: Kastaniotis Editions, 1995;
- украинском: Пушкин О. С. Таємні записи 1836–1836 років // Лель Ревю. 1995. № 5. С. 26–30 (киевский журнал);
- голландском: Aleksander Poesjkin Geheim Dagboek 1836–1837. Naarden; Vesting: Element Uitgevers, 1996;
- исландском: Пушкин А. С. Jatningar Pushkins. Рейкьявик: Reykholt, 1996 (имя автора набрано кириллицей на обложке и титульном листе);
- испанском: Diario Secreto de Pushkin. Mexico (D. F.): EDAMEX, 1997;
- корейском: Secret Journal 1836–1837. Сеул: Jakkajungsin Publishing Co., 1997;

- латышском: A. Puskins 1836.—1837. gada Slepenas Piezīmes. Rīga: NT Klasika, 1997. Отрывки напечатаны в рижском журнале: Sexer Plus. 1997. Октябрь. № 13. С. 10–13;
- португальском: Alexandre Puchkine Diário Secreto 1836–1837. Algrés: Difel SA, 1998;
- чешском: Alexander Sergejevič Puškin Tajný Deník 1836–1837 // Special Cats/Sex. 1998. № 3—12. См. также: A. S. Puskin Tajný zápisky z let 1836–1837. Praha: Concordia, 2001;
- китайском: A. S. Pushkin Secret Journal 1836–1837. Taipei, Taiwan: Unitas Publishing Co. Ltd, 1999. Отрывки опубликованы в журнале: Unitas Literary Monthly. 1999. № 3/173. P. 51–83. См. также: Yalishanda Puxijin Mimiriji. Shanghai: Zhu Hai Publishing House, 1999;
- словенском: Skrivni Zapiski A. S. Puškina. Maribor: Založba Obzorja, 2000;
- литовском: A. S. Puškinas Slapti užrašai 1836–1837 metai. Įiauliai: A. S. Narbuto leidykla. 2000;
- турецком: Gizli Geçmiş 1836–1837 Aleksandr Sergeevici Puşkin. İstanbul: Ceviyazıları, 2000. См. также: Gizli Geçmiş A. S. Puskin. İstanbul: Papyrus Yayınevi, 2001.

Читатель легко заметит, что ни одного российского издания в этом перечне нет, хотя имеются переводы на языки народов бывшего Советского Союза. По недоброй русской традиции, в России (как и ранее в СССР) эту книгу ругали не читая. В новейшие времена издательства, случалось, опасались за свою репутацию или не хотели вкладывать средства в книгу, как им казалось, столь сомнительного содержания. Хотя все, кто что-либо слышал о «Тайных записках», знают, о чем они и каким, с какой стороны предстает читателю ее главный герой. Но со временем среди потока ругани стали все чаще раздаваться призывы опубликовать эту книгу как образец жанра. И отрывки из нее, зачастую в искаженном виде, начали появляться то в периодике эротической направленности, то в молодежной прессе, то в альманахах так называемой альтернативной, возвращенной, диссидентской литературы. К сожалению, почти все эти публикации волей-неволей оказывались пиратскими.

А время шло. Миновала перестройка, все прочнее укоренялись в сознании и жизни свобода печати и слова, все чаще выходили в свет сочинения на ранее запретные темы и с ранее запретной лексикой. Уже десять лет существует и пользуется читательским успехом серия «Русская потаенная литература». Пора «Тайным запискам», относящимся, несомненно, к русской потаенной литературе, обросшим за пятнадцать лет собственной мифологией, прийти к российскому читателю. И вот они у нас в руках.

Не будем вдаваться в дискуссию – автор ли этого текста А. С. Пушкин или только литературный герой; а если автор не Пушкин, то кто; так или нет было все на самом деле; на балу или в борделе познакомился русский поэт с французским офицером, каковое знакомство оказалось столь роковым. Но нужно признать, что изображение внутренней жизни мужчины, борьбы между страстями и нравственными установлениями, размышления о природе любви, творчества, греха, наслаждения, жизни, смерти и судьбы – все это делает «Записки» не столько свидетельством эпохи, сколько документом человеческой души, и их исповедальный тон, их предельная откровенность как нельзя более соответствуют сложности самой темы.

А тема действительно непростая. Не Советская власть запретила публичное – устное и письменное – обсуждение интимных вопросов, в частности аспектов чувственности и телесных удовольствий. К сожалению, в стране, некогда принявшей христианство византийского толка, склонной ко всяческому умерщвлению плоти (даже вступать в дозволенный сексуальный союз – венчаться – в период Великого поста запрещалось), вся эта сторона человеческой жизни сводилась в лучшем случае к формулировке «беса тешить», а в худшем – именовалась «блудодеянием». Оттого и литература, прямо скажем, не уделяла сколь-нибудь доброжелательного внимания столь естественным человеческим потребностям, считая все это низким, постыдным и недостойным. Даже конкретных примеров приводить не надо – каждый человек, мало-мальски знакомый хотя бы лишь с хрестоматийными произведениями отечественной словесности, знает, что чувственность всемерно ею осуждалась. А ведь сама литература, печатное слово, в России однозначно воспринималась как учебник жизни. Неизменная черта русской культуры – цензура, «управа благочиния» – на деле лишала человека даже просто слов, с помощью которых можно было бы назвать и объяснить что-нибудь из сферы, относящейся к так называемому «низу». Оставались только всем известные, но числившиеся неприемлемыми слова, да и те объявлялись привнесенными на Святую Русь иноверцами. Что-то начало меняться на рубеже XIX–XX веков с новыми веяниями в искусстве, но тут случился Октябрьский переворот, упрочивший тиранию, традиционно присущую

российскому православному мироустройству.

Однако свято место пусто не бывает. И вакуум, образующийся на месте официальных умолчаний, заполняется мифом. Каждая национальная культура рождает свой сексуальный миф. Он может быть самым разным, существенно изменяться в зависимости от контекста, но всегда сохраняет некие универсальные черты. Одна из них – принадлежность некоему времени, прошедшему по сравнению с моментом рассказывания мифа. Уже во времена самого Пушкина полупоэтический Иван Барков воспринимался как литератор предыдущего поколения. «Пиковая дама», написанная в николаевской России, полна ностальгии по галантным временам Екатерины II. Поздний роман А. Куприна «Юнкера» упоминает о том, как юнкера конца XIX века бережно хранили, передавая от старших курсов к младшим, списки нецензурных сочинений – «юношеских грехов» Лермонтова; эти тексты, вероятно искаженные при многократном переписывании, почитались юнкерами как часть традиции военного обучения и славы русского оружия. Цикл анекдотов о Чапаеве (не реальном начальнике, погибшем в Гражданскую войну, а герое фильма братьев Васильевых), его простоватом ординарце Петьке и блудливой, готовой всегда, на все и со всеми Анке-пулеметчице достиг пика популярности в 70-е годы XX века, воплотив тоску брежневско-андроповского общества по простоте нравов «военного коммунизма». А самый известный из современных героев русского сексуального фольклора – поручик Ржевский, герой войны 1812 года, как явствует из «Гусарской баллады» (советского фильма, от реального содержания которого поручик давно отделился в массовом сознании). Но не о боевых подвигах гусара повествуют все эти анекдоты[2 - Очевидная слава поручика Ржевского на сексуальном поприще эксплуатируется в современном рекламном бизнесе, который всегда ориентирован на мифы массового сознания. Недавно выпущены в продажу отечественные презервативы марки «Гусарские» – вероятно, со шпорами?]. Примеры можно множить и далее, но проявления такого рода национальной мифологии однотипны. Причем тенденция обозначилась не только в устной традиции (например, в анекдоте), но и в писанной словесности. Так, например, «Лука Мудищев» известен в огромном количестве письменных и опубликованных вариантов, то же относится и к нецензурным эротическим переделкам «Горя от ума», «Евгения Онегина», «Демона» и прочих великих произведений русской литературы.

Потребность в сексуальном мифе и сексуальном герое при всеобщей российской неудовлетворенности в этой сфере – не на деле, но в мыслях – весьма велика во все времена. Так мог ли пушкинский миф обойтись без этой темы? И мог ли Пушкин, самая яркая личность в русской истории, не стать объектом

пристального внимания на предмет своей интимной жизни – и, как следствие, героем сексуального мифа? Свою роль, конечно, сыграла и «двоякая» божественность образа Пушкина: официальное посмертное прославление поэта при всех российских режимах и – редкий случай «симфонии» народа и власти – единодушное всенародное признание божественного величия таланта нашего героя. Пушкинский гений – явление сверхобычное, непостижимое для простого смертного: «Кто знает, что такое слава? Какой ценой купил он право, возможность или благодать?..» Дар творца, присущий одному лишь Богу, выводит Пушкина за рамки обыденной жизни, и потому божественная степень его поэтического дара требует, соответственно, от своего носителя из ряда вон выходящих качеств и в прочих сферах. Мы знаем, что Аполлон – бог, повелитель муз, но и Приап тоже бог, Пушкин же – божественный Абсолют русского культурного мифа, и вполне естественно, что в его образе гармонично слились аполлонические и приапические черты.

И еще – миф рисует нам Пушкина как вечного оппозиционера, бунтаря, певца Вольности и одновременно – любителя всяческих вольностей, потому неудивительно, что на обывательском уровне свободолюбивый дух претворяется в неутомимый либертинаж. И в полном соответствии с античной схемой мифа – Пушкин в творчестве и в жизни свеходарен, неутомим, богоравен, но в то же время и уязвим, как были уязвимы Ахиллес и Геракл (недаром «Записки» обрываются накануне дуэли, исход же ее известен). «Тайные записки» – не единственное произведение, в коем Пушкин предстает носителем выдающихся мужских ста?тей. Например, опубликован «Донжуанский список Пушкина». До сих пор не менее, чем творческая история написания тех или иных пушкинских стихотворений, занимает исследователей и читателей вопрос: кому из знакомых поэту дам эти стихи посвящены? И что за «чудное мгновенье» случилось у поэта с Анной Керн? Изменяла ли ему венчанная жена Натали с императором? А с Дантесом? Были ли у Пушкина незаконные дети от крепостных девок? И где территориально – в Михайловском или в Болдине? Отсутствие привычки говорить на подобные темы спокойно и обоснованно лишь подогревает жадный интерес. А ностальгия по прошлому, по безвозвратно ушедшему «золотому веку» придает пушкинскому мифу особую притягательность («Где ты, наша юность, где ты, наша слава, – золотое время крепостного права?»). Потому и книги, подобные «Тайным запискам», почти что обречены на сенсационный успех. Кроме того, сенсационность усиливается еще одним мифом, гласящим, что буде книга запрещена советской цензурой и ругаема в официальной советской печати, то уж наверняка в ней написана если не правда, то нечто весьма и весьма интересное. Это не всегда верно: книги запрещались по самым разным поводам и просто на всякий случай, «как бы чего не вышло» – но какое дело

мифу до истины?

Очень может быть, что «Тайные записки» представляют собой литературную мистификацию, в чем для истории литературы нет ничего необычного, – и сам поэт Александр Сергеевич Пушкин выступал как публикатор наследия покойного прозаика Ивана Петровича Белкина, «автора повестей»; а другой раз вывел самого себя в третьем лице под инициалом – латинской литерой Р. – в «Романе в письмах». И если «Записки» – мистификация, то мы не собираемся ни ее разоблачать, ни вставать на ее защиту. Но книга, имеющая столь бурную историю, так явно выразившая срез пушкинского мифа, свойственный именно нашему непростому времени – концу прошлого века – и именно неподцензурной русской ментальности (как и многие другие интеллектуалы, Михаил Армалинский в 70-х годах минувшего столетия эмигрировал из СССР), такая книга должна быть издана в России, дабы стать наконец доступной нашему современнику и соотечественнику. Хотя бы для того, чтобы перестать быть сенсацией, ибо сладок только запретный плод, а откусишь от него – и, не ровен час, вкус познанного добра и зла может показаться горьким. Пример тому – тот же «Лука Мудищев», почти двести лет ходивший в списках или печатавшийся тайно и ограниченным тиражом, после научной, комментированной, общедоступной публикации ныне привлекает внимание лишь историков литературы да искушенных любителей жанра. Была легенда – теперь это просто литературный памятник. Кроме того, о чем уже было сказано, «Записки» представляют интерес и сами по себе, безотносительно к вопросу о своей подлинности, являясь в своем роде образцом столь редкого для родной литературы жанра. Вот мы и взяли на себя задачу, не ища скандальной популярности, просто поставить точку в многолетней дискуссии, которая без наличия доступного текста была зачастую лишь сотрясанием воздуха. А читатель сам разберется, что это за книга – поношение ли великого поэта или еще один камешек в основание «нерукотворного памятника».

При подготовке «Тайных записок» к изданию состоялась весьма интересная переписка с американским издательством «M.I.P. Company» и самим Михаилом Армалинским. В результате публикатор и правообладатели согласились на мелкую стилистическую правку (в частности, заменены инициалы героев – русские на латинские, уточнена пунктуация и сделаны еще некоторые незначительные изменения), но сама книга в точности воспроизводит американскую публикацию 1986 года, неоднократно тиражировавшуюся как по-русски, так и в переводах на другие языки. Что же до содержания, духа эпохи, достоверности фактов, оправданности языка «Записок» (а если верить «Необходимому предисловию», текст является переводом зашифрованного

французского подлинника, ныне безнадежно утраченного), то за все это отвечает автор, кем бы он ни был. Многожды разруганные, обвиненные во всех смертных грехах, разобранные исследователями по косточкам, «Тайные записки», мы надеемся, начинают новый этап своего многострадального бытия – в России. Вероятно, и это издание в серии «Русская потаенная литература» вызовет споры, нападки или восторги, новый виток практической «парапушкинистики». Но как сказал некогда сам герой «Тайных записок»: «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца».

Ольга Воздвиженская

Необходимое предисловие

В 1976 году я решил эмигрировать в Америку. Чтобы собрать деньги на отъезд, я стал распродавать свою библиотеку.

Ко мне в комнату потекла череда друзей и знакомых, а потом и чужих людей, желающих купить мои книги. Однажды ко мне пришел старый и благообразный человек. Он представился как знакомый моего знакомого, имени которого я не мог припомнить. Впрочем, в то время я уже и не заботился, кто ко мне приходил, главное было – чтобы он купил книги.

Мой гость назвался Николаем Павловичем. В глазах его жил свет давних времен, который с годами не слабеет, а усиливается. Николай Павлович выбрал несколько книг по русской истории, но, узнав цену, купил только одну. Он сказал, что у него нет с собой больше денег и что он зайдет завтра вечером забрать остальные книги. Он пришел, как и обещал, и мы разговорились. Я предложил ему выпить чаю; он с радостью согласился.

Его белые зубы звонко ударялись о чашку, и он смущенно объяснил, что еще не привык к новому протезу.

Николай Павлович прямо спросил меня, собрался ли я уезжать. «Если отпустят», – сказал я. Он заметно оживился, узнав о моем намерении, и уже

беззвучно обращался со второй чашкой чая.

В разговоре выяснилось, что он живет один, неподалеку от меня, в коммунальной квартире. По профессии он историк, и предмет его исследований – первая половина XIX века. Когда я рассказал о себе, он попросил меня дать почитать мои стихи. Я дал ему несколько листов. Он не стал читать стихи при мне, а свернул листы в трубочку, засунул их во внутренний карман пиджака и сказал, что будет читать их дома. Мне это понравилось. Он мне вообще нравился. Не по годам стройный и подвижный, он мог сойти за мужчину средних лет, если смотреть на него со спины. Только лицо, шея и кисти рук не оставляли сомнений в его возрасте.

Через несколько дней Николай Павлович опять пришел ко мне, и мы допоздна говорили о поэзии. Он спросил, собираюсь ли я взять с собой свои рукописи. Я сказал, что попытаюсь переправить их через голландского посла. И тогда он попросил передать послу его рукопись. На мой вопрос, о чем эта рукопись, он предупредительно заверил меня, что в ней нет ничего антисоветского и что это – дневниковые записки конца тридцатых годов прошлого века. Записки эти были зашифрованы, и Николай Павлович работал над их расшифровкой много лет. Особую сложность составляло то, что записки были написаны по-французски, за исключением отдельных русских слов и выражений, но безупречное знание языка помогло Николаю Павловичу довести дело до конца и, расшифровав, перевести все на русский язык.

Я поинтересовался, чьи это записки, но он ответил, что пусть это будет для меня сюрпризом, если я соглашусь передать их голландскому послу. Я согласился.

Николай Павлович решил принести записки вечером накануне моего отъезда в Москву – тогда я уже получил разрешение и носился по городу, добывая различные справки, необходимые для получения визы.

– А почему бы вам не попытаться издать записки здесь? – наивно спросил я его. – Ведь, если они представляют исторический интерес, их могут опубликовать – полтора века обезопасят любые события.

– Заблуждаетесь, молодой человек, – возразил мне Николай Павлович, – вне зависимости от того, сколько веков прошло, кумир – если он все еще кумир – остается неприкосновенным.

Николай Павлович опаздывал, и я уже отчаялся его увидеть. У подъезда стояло такси, которое должно было отвезти меня на Московский вокзал. До отхода поезда оставалось меньше часа. У Николая Павловича телефона не было, адреса его я не знал, и я уже решился уходить, как раздался звонок в дверь. Это был он. В руках он держал папку с тесемками. Он тяжело дышал – лифт был сломан и ему пришлось взбираться на пятый этаж. Я положил папку в сумку, и Николай Павлович проводил меня до такси.

– Я позвоню вам. Бог в помощь. – сказал он, прощаясь со мной.

В такси я с жадностью раскрыл папку: на первой странице было выведено крупными буквами: «А. С. Пушкин. Тайные записки 1836–1837 годов». Я перевернул страницу – почерк был такой мелкий и витиеватый, а в машине было так темно, что я ничего не мог разобрать и решил прочитать записки в поезде.

Мое место было на нижней полке. Напротив меня оказалась толстая баба с лицом профсоюзной активистки. На верхних полках тоже залегли чьи-то тела.

Поезд отправился без опоздания. Я взял сумку и стал протискиваться в туалет, в надежде почитать там. Но огромная очередь не предвещала спокойного чтения. Я вернулся в купе: свет был уже потушен и все спали. Мой ночник не работал, и я решил отложить чтение – уже было за полночь, поезд прибывал рано утром и день предстоял тяжелый. Я думал, что у меня будет время почитать записки до открытия голландского посольства[3 - В 1976 году эмигрировать из СССР можно было только в Израиль. Однако в то время дипломатические отношения между СССР и Израилем были прерваны, и интересы Израиля в Советском Союзе представляла Голландия. Поэтому для того, чтобы получить израильскую визу, надо было явиться на прием в голландское посольство в Москве. (Примеч. автора.)].

Но, подъезжая к посольству, я увидел длинную очередь, вдоль которой прохаживались милиционеры. Я встал в очередь и понял, что лучше никуда не отлучаться, если я хочу сегодня попасть на прием к послу. А читать в очереди я не рискнул.

Когда посольство наконец открылось и подошла моя очередь войти в кабинет посла, меня осенила мысль о странных совпадениях: записки Пушкина я получил

от тезки Николая Первого, и передаю я их через голландского посланника, которым когда-то был злополучный Геккерен, для отправки на Запад, куда Пушкин безуспешно мечтал попасть...

На заученную по-английски просьбу – переправить мои рукописи – посол ответил вялым отказом. Тогда я решил оставить сумку с рукописями и записками, будто по забывчивости. Я поставил ее на пол рядом с креслом, на котором сидел, и задал послу какой-то вопрос, чтобы отвлечь его внимание. Потом я догадался, что он прекрасно понимал мои намерения.

Я попрощался и направился к выходу, в страхе, что меня окликнут и попросят забрать сумку. Но никто меня не окликнул.

В Ленинград я возвращался налегке, освобожденный от груза своего и чужого творчества. Мне не терпелось увидеть Николая Павловича, чтобы взять у него копию записок и прочесть их без помех. Но Николай Павлович мне не позвонил и ко мне не зашел. У меня же не было ни времени, ни возможности разыскивать его, не зная ни фамилии, ни адреса. Да и до отъезда у меня оставалось всего несколько наполненных суетой дней.

...Через год после моего приезда в Америку я получил пакет со своими рукописями и записками Пушкина. Я сразу принялся за чтение записок и, признаться, был ошеломлен степенью откровенности в описании интимных подробностей.

Я знал, что известные дневниковые записки Пушкина заканчиваются 1835 годом, что существует легенда о его записках последних месяцев, которые он якобы завещал опубликовать не ранее, чем через сто лет после его смерти. Я читал истории об охотниках за этими записками и о преступлениях, совершенных ими, чтобы заполучить добычу.

Однако не надо было быть пушкиноведом, чтобы заметить, что записки, оказавшиеся у меня в руках, весьма далеки от пушкинского языка и стиля. Я объясняю это тем, что Николай Павлович переводил с французского и не

обладал талантом стилизатора. Может быть, это даже к лучшему, что записки были написаны по-французски: перевод позволил внести современные интонации в повествование, приближая его к современности.

Так Шекспир, речь которого становится все более чужой для каждого нового поколения английских читателей, в России по-прежнему современен, ибо язык его постоянно освежается новыми переводами. Каким бы прекрасным ни был язык писателя, он старится и умирает, и только идеи, изъятые писателем, продолжают жить вместе с человечеством, возрождаясь в новой плоти переводов и пересказов. Посему не язык писателя, а его идеи будут стимулом для перевода его произведений в будущем. Не парадоксально ли, что наступит время, когда Шекспира в подлиннике будут читать только редкие лингвисты, а восхищаться им будут иноязычные читатели по новым переводам, и, чтобы сохранить интерес к нему на его родине, Шекспира придется пересказать английским языком будущего. Русским примером может служить «Слово о Полку Игореве», которое читаемо только в пересказах-переводах.

Вот почему французский язык записок Пушкина позволит им звучать современным русским языком не только сегодня, но и всегда.

Естественно, что после прочтения записок у меня появилось множество вопросов, которые мне бы так хотелось задать Николаю Павловичу: где оригинал записок и как они попали ему в руки? каким шифром они были зашифрованы? не являются ли эти записки подделкой? знает ли кто-нибудь, кроме Николая Павловича, о существовании записок?

И наконец, вопрос, который я задал себе: нужно ли публиковать эти записки?

Между тем я перепечатал их на машинке на случай, если придется записки кому-нибудь показать. Это было весьма предусмотрительно, так как я вскоре уехал в командировку, и рукопись Николая Павловича непонятным образом пропала из моей квартиры. К счастью, моя машинописная копия хранилась отдельно от оригинала, и она осталась лежать на прежнем месте.

Это событие заставило меня серьезно задуматься о публикации записок. Я опасался показывать их кому бы то ни было, так как чувствовал их «взрывоопасность» и понимал, что, если записки попадут к недобросовестному

человеку, он издаст их без моего ведома.

Я опасался также и того, что при издании их подвергнут «нравственной цензуре», чтобы не «опорочить» святое имя, ибо Пушкин – кумир не только в СССР, но и для всех почитателей русской литературы на Западе.

Однако после долгих размышлений и сомнений я все-таки решил издать рукопись, полученную от Николая Павловича.

Литературная репутация Пушкина настолько крепка, что его личная репутация пошатнуть ее не может, но зато обещает стать замечательным пособием для изучения человеческой природы, которая благодаря своей неизменности роднит нас как с прошлым, так и с будущим.

Михаил Армалинский

Миннеаполис, 1986

Тайные записки

1836–1837 годов

Моей жене посвящаю

* * *

Судьба сбывается – я вызвал Дантеса на дуэль. Не это ли насильственная смерть от светловолосого, которую предсказала мне немка. И я чувствую власть судьбы – я вижу, как она сбывается, но ее нельзя предотвратить, ибо бесчестие страшнее смерти.

Бесчестие – это буря, выросшая из ветра, мною посеянного. Она уничтожает меня. Дантес стал возмездием судьбы за мой слабый характер. Вызвав Дантеса, я уподобляюсь Иакову, боровшемуся с Богом. Если за мной победа, тогда я опровергну Божии законы и Пизда беспрепятственно воцарится в моих небесах.

Современники не должны знать меня настолько, насколько я позволяю дальним потомкам. Мне следует беречь честь N. и детей, пока они живы. Но я не могу удержаться, чтобы не поведать свою душу бумаге, и в этом есть неизлечимая болезнь сочинительств а. Болезнь часто смертельная, ибо современники убьют меня за откровение души, за истинное откровение, если они проведают о нем. А потомки уже ничего не смогут со мной поделаться, не только со мной, но и с моими праправнуками, ибо отдаленность во времени делает самые предосудительные поступки всего лишь историей. В отличие от настоящего, история не опасна или оскорбительна, а лишь занимательна и поучительна.

Я не желаю уносить в могилу мои грехи, ошибки, терзания – слишком они велики, чтобы не стать частью моего памятника.

Лет через двести, когда цензуру в России упразднят, напечатают первым Баркова, а потом и эти записки. Впрочем, не могу я представить себе Россию без цензуры. А значит, издадут их в Европе, но скорее всего в далекой Америке. И жутко знать наверное, что меня тогда не только в живых не будет, но кости и те сгниют.

Я смотрю на свою руку, пишушую эти строки, и пытаюсь представить ее мертвой, частью моего скелета, лежащего под землей. И хоть это будущее неопровержимо, у меня не хватает фантазии, чтобы вообразить его. Достоверность смерти единственная непререкаемая истина – труднее всего укладывается в наше сознание, тогда как всевозможная ложь принимается и признается легко и бездумно.

* * *

Смерть Дельвига была страшным знаком того, что последняя часть предсказания немки начала сбываться. Тогда я этого еще не понимал, но теперь все предстает значительным и завершенным. Кольцо, оброненное во время венчания, и потухшая свеча бесповоротно убедили меня, что из женитьбы ничего хорошего не выйдет. В конечном счете мы сами себе предсказываем

судьбу.

Чтобы совсем не упасть духом, я утешал себя предвкушением брачной ночи, первых радостей обладания N., и молил Бога продлить их как можно дольше в моей семейственной жизни.

Жажда полного счастья влекла меня к женитьбе. Именно женитьба представлялась мне всеисцеляющим лекарством от моего беспутства и тоски. Это была попытка убежать от себя, не способного измениться, не имеющего характера стать иным.

N. была моей роковой удачей, которую я выторговал у ее матери, пожертвовав приданым и наделав долгов. После помолвки, поджидая день свадьбы, я придумывал, как я изменюсь и как изменится моя жизнь, когда я дам клятву верности, ибо я искренне намеревался соблюдать ее.

Раньше я и по пяти женщин имел на дню. Я привык к разнообразию пизд, женских повадок в ебле и всему, что отличает одну женщину от другой. Разнообразие сие не давало моим страстям задремать, и постоянная погоня за ним составляла суть моего бытия.

Когда я впервые увидел N., я понял, что случилось неотвратимое. Желание немедленно обладать ею было таким сильным, что мгновенно превратилось в желание жениться.

Это случалось со мной и раньше, но никогда с такой силой, никогда я не чувствовал такого восторга от своей избранницы. Когда мое предложение было наконец принято, я на правах жениха ухитрялся оставаться с N. наедине. Я обнимал ее и, водя рукой по грудям, царапал ногтем по платью там, где должны были быть соски, и скоро мой ноготь начинал об них спотыкаться. N. краснела, но руки моей не отталкивала, а лишь шептала: «Не надо, маман может увидеть».

Мать ее – порядочная блядь, злобная оттого, что, кроме конюхов на Полотняном Заводе, ее никто ебать не хотел. Она была не прочь подставить себя, но мне, конечно, было не до нее. Она всячески притесняла своих дочерей, держа их как в монастыре. А я глядел на сестричек и подумывал превратить их монастырь в свой гарем. Я, жених, укорял себя за такие греховные мысли, но избавиться от них было невозможно.

Я обожал мою монашенку и шаг за шагом планировал превращение ее в искусную развратницу. Но моим планам не дано было осуществиться, и, наверно, за это я люблю N. по сей день.

Наш медовый месяц пролетел в сладостной учебе: я учился языку, на котором говорит ее тело, а N. училась откликаться не только на мой язык. Мое упорство и ее прилежание все чаще доводили N. до восторженных стонов, звучащих для меня как музыка.

Обладать идеальной красотой, которая вдобавок досталась тебе девственной, – это самое большое счастье, что выпадает на долю мужчины. Острота его так велика, что длиться долго оно не может. Когда я погружался в мою новорожденную жену, смыкая объятия, чувствуя ее шевеление, еще не выросшее из-за стыда в поддавание, и слыша ее горячее дыхание у моего уха, я испытывал состояние торжества, которое мог испытывать только Бог в момент творения.

* * *

Сколько радости было для меня вести N. по извилистым тропинкам в саду сладострастья. Когда я впервые поставил ее на четвереньки и предо мной открылись две дольки ее солнечной жопки, ноги ее оказались слишком длинными для меня, и мне пришлось подняться с колен, чтобы достичь пизды. Я сказал ей, чтобы она прогнула спину. N. замешкалась и, вместо того чтобы прогнуться, выгнулась дугой. Я расхохотался ее святому неведению, и она удивленно обернулась на меня, как оборачивается корова, когда к ней подходишь сзади. Я положил руку на спину моей Мадонны и нажал вниз, указывая, что от нее требовалось. N. послушно повиновалась и, ощутив, зачем это было нужно, рассмеялась сама, не ведая, что смех вызывает конвульсии в пизде. Я потом пытался научить ее сжимать мне хуй, не смеясь, а по моему указанию, но она бездарна как любовница, и мне приходится щекотать ее или заставлять кашлять, чтобы ее пизда ожила. Кончает она только один раз за ночь и, кончив, больше ничего не хочет. Для жены это ценное свойство, она не докучает похотью, когда хочешь спать. Но поначалу я ее щекотал изрядно.

Я все время чувствовал, будто обманул природу: я, карлик с лицом обезьяны, обладаю богиней. И оценить, насколько я хорош в любви, она не может, потому что для этого нужно сравнение, упаси Бог.

В те первые дни мы договорились не утаивать даже самых сокровенных мыслей друг от друга. Я прекрасно понимал, что мне этот договор не выполнить, но я хотел воспитать в N. чувство необходимости делиться со мной своими мыслями и желаниями. Главное – не гневаться, что бы она мне ни рассказала. Иначе впредь она будет бояться быть откровенной. Следуя сей заповеди, я изо всех сил крепился, чтобы не выказать бурю негодования или ревности.

N. приняла близко к сердцу наш договор, и на мой вопрос, какие были у нее любовные приключения, она повинилась. Когда ей было лет четырнадцать, она с матерью и сестрами была приглашена на бал во дворец к государю. В какой-то момент она затерялась среди гостей; к ней подошла красавица фрейлина и прошептала на ухо, что государь хочет, чтобы ему представили N. Моя девочка затрепетала от страха и покорно пошла за фрейлиной. Та привела ее в кабинет, где в кресле сидел государь. Фрейлина представила N. и удалилась, оставив ее стоять посреди сумрачного кабинета. Государь встал с кресла, пересел на диван и усадил рядом с собой N. Он задавал ей вопросы, а тем временем задирали ей платье все выше и выше. N. не смела пошевелиться и старалась исчерпывающе отвечать на вопросы. Когда венценосный развратник раздвинул ей ноги, N. почувствовала, как «волны жара стали захлестывать» ее – так она описала свое состояние. Но вдруг в дверь кто-то постучал. Государь поднялся, оправил платье на N. и вышел из кабинета. Через минуту явилась фрейлина, которая привела N., и отвела ее обратно в залу, где танцевали гости.

Мать уже стала волноваться исчезновением N., но когда фрейлина объявила ей, что N. была представлена государю, успокоилась и лишь с подозрением посмотрела на дочь. Та была так возбуждена случившимся, что мать дома позвала ее к себе и спросила, оставалась ли N. с государем наедине. N. ответила, что да, в кабинете никого, кроме них, не было, но государя куда-то позвали, и они не успели ни о чем поговорить. «Ах ты, лгунишка!» – как можно спокойнее сказал я, опасаясь, что N. услышит скрежет моих зубов. Но женка ответила, что она не любит лгать и, мол, все, что она сказала матери, было правдой, а мать ей больше вопросов не задавала.

Когда Коко стала фрейлиной, я запретил ей переезжать жить во дворец, чем еще больше обозлил к себе государя.

N. была смущена деньгами, которые подарил ей к свадьбе государь, и я запомнил это. Когда мы переехали в Царское Село, она всячески избегала встречи с государем, выбирая уединенные места для гулянья. Но, гуляя вокруг озера, мы все-таки встретились с царствующей четой, и императрица пригласила N. во дворец. Дома N. стала жаловаться мне на то, как ей не хочется появляться в свете. Это мне показалось подозрительным, и я вытянул у нее вышеописанное признание.

О порочной невинности государевых страстей я знавал давно от фрейлины, которую я лечил еблей от нервных припадков. Так что признание N. не было для меня новостью, я знал, чего добивался, когда спрашивал ее. Мне просто не хотелось узнавать, что и моя жена была его «живой картинкой». Государь дал великую клятву верности государыне и потому не ебет никого, кроме нее. Но чтобы как-то причаститься к неприкосновенным красотам окружающих его дам, он приказывает им раздеваться и раздвигать перед ним ноги. Упиваясь открывшимся зрелищем, он дрожит и спускает на лоно красавиц и, так и не прикоснувшись к ним, покидает их. Государыня знает об этом, но не считает, что таким способом клятва нарушается.

Если многие фрейлины страдают от «невинности» отношений с государем, то N. заверяет меня, что она только счастлива.

Она тогда боялась возобновления царских посяганий. Я утешил ее, посоветовав сказать государю, будто я такой ревнивый, что дал страшную клятву убить всякого, кто хотя бы увидит ее пизду. Она потом заверяла, что ей вскоре представился случай, и она передала это царю в ответ на его желание уединиться с ней, и якобы с тех пор он больше не заговаривал об этом. Я знаю, что он боится меня, но как он будет счастлив, если я помру. Сукин сын!

Я тогда уже, в глубине души, жалел о навязанном N. договоре откровенности, но я приготовился принимать все приятные и неприятные последствия соблюдения ею этого договора. Неведение мыслей своей жены грозит рогами, а это мне омерзительно и невыносимо. Уж я-то попользовался неведением мужей и любовался их свежавыросшими рогами, еще не видимыми никому, кроме меня.

Раз, когда я хотел опять утвердить свою власть над телом моей красавицы, она сказала:

– Я хочу поверить тебе еще одну сокровенную мысль.

– Что же это за мысль? – насторожился я.

– Я не хочу больше, я хочу спать, – сказала она устало.

Я облегченно расхохотался.

– Ты спи, а я возьму тебя спящую.

На том и порешили. Я еб ее, похрапывающую, стараясь не разбудить. Вот она, спящая красавица, которая от поцелуев не просыпается. Вот она, не сказка, а быль.

* * *

Однажды мы с ней побились об заклад, что она кончит, даже когда ей совсем не хочется. Мне ли не ведомо, как у женщины нежелание быстро переходит в желание, когда знаешь свое дело. Для Н. на первых порах сиюминутное безразличие было таким очевидным, что ей было не представить, как легко оно может бесследно рассеяться.

Я дал ей выпить шампанского, а потом продержался полчаса, коих хватило для нее, чтобы завить от воспрянувшего сладострастия. Как я обожал ее в эти мгновения неудержимых восторгов!

Когда она шла в нужник, я увязывался за ней, и, хоть она сперва наотрез отказывалась оправляться в моем присутствии, я не оставлял ее одну и мольбами, поцелуями и безвыходностью ее положения заставлял уступить сначала по малому, а потом и по большому.

Запахи и звуки, ею издаваемые, все, что из нее исходило, наполняло меня вожделением. Меня всегда поражало превращение богини в смертную женщину,

но не в постели, а в нужнике. В постели многим женщинам удается какое-то время продержаться богиней, но за дверью нужника волшебство исчезает, и я избавляюсь от чрезмерного благоговения, которое часто мешает властвовать над женщиной.

У красавиц в свете вся их сила в иллюзии божественности, которую так сладостно развеять своей бесцеремонностью. О великое и прелестное знание! При взгляде на самую недоступную красавицу ты твердо знаешь, что у нее между ног и куда и зачем она удаляется из залы.

Будучи лет шести, я увидел в книге изображения обнаженных богинь. Я трясся в предвкушении, глядя на их сомкнутые колени и поистине божественные округлости бедер. У меня шумело в голове от восторга. Но в то же время я отчетливо ощущал, что от меня утаено нечто исключительно важное. Пизденка Оли, которую она с готовностью показывала по моей просьбе, не связывалась в моем воображении с тайной взрослого женского тела. Я чувствовал, что у женщин должна быть Пизда, но мне никак не приходило в голову, что для того, чтобы разглядеть ее, женщине надо развести колени. Когда передо мной впервые распахнулись женские чресла, я прежде всего схватил подсвечник и развеял мрак. Я увидел лицо Истины и в то же мгновение понял свое предназначение – служить этому Божеству, поселившемуся между женских ног, и воспеть чувства, которые оно вызывает. Женщина может казаться богиней, но только потому, что во всякой женщине прячется настоящая Богиня – Пизда.

* * *

Когда я был холост, ничто не обременяло меня, кроме желания счастья, безуспешное стремление к которому делало меня несчастным. Мне стало казаться, что женитьба на юной прекрасной девушке с добрым сердцем принесет мне желанный покой и волю, которые и есть счастье. Но, увы, жизнь дает либо покой, либо волю, и никогда вместе. Покой наступает при безропотном смирении, но тогда в нем нет места для воли. А воля толкает меня на нескончаемые приключения, а в них – какой уж покой?

Но несмотря на здравый смысл, предназначение женитьбы разгорелось во мне и вспыхивало ослепляющим огнем, как только предо мной появлялась юная красавица. Я был готов жениться немедленно на ком угодно, лишь бы с ней было не

стыдно появляться в свете. Оленина и Соф. не захотели иметь мужем сумасшедшего. У N. не было иного выхода. Так Бог послал мне испытание.

* * *

Я убеждал себя, что женился хладнокровно и что мой опыт охранит меня от бесплодных надежд и наивных заблуждений. Но мои понятия о женитьбе были холодной теорией. Нельзя понять чувства – их можно только прочувствовать, ибо только чувство способно задеть сердце и только сердце – обогатить ум. Весь мой опыт являлся опытом любовника, а не мужа.

Моя страсть к N. не продлилась и двух месяцев. Я знал, что страсть быстротечна, но меня никогда так не удручала эта известная истина, потому что впервые она была отнесена к моей жене.

По прошествии первого месяца на меня уже не нападала радостная дрожь предвкушения, когда N. раздевалась передо мной. Через два месяца я уже выучил ее наизусть как любовницу и она больше ничем не удивляла меня: я знал наперед, какие движения она произведет, каким голосом застонет, вцепившись в меня, и как вздохнет она в облегчении.

Ее запахи не заставляли меня бросаться на нее как прежде – я перестал замечать их, будто они были мои. Дух немецкого сыра меня волновал больше, чем ее запах.

Потому что напоминал мне о других женщинах.

* * *

Я заблуждался, думая, что могу вылепить из N. что хочу. Нет, таланту научить нельзя, с ним нужно родиться. Точно так же нужно родиться для любви, а N. рождена для кокетства. То, что я называю изощренностью, она называет развратом. Способность к любовным содроганиям – это еще вовсе не любовный талант. Талант в любви проявляется в желании настолько сильным и легко возбудимом, что брезгливость и стыд исчезают совершенно. Женщины, талантливые в любви, попадают к ней в рабство. Они – прекрасные любовницы,

но негодные жены. Оказывается, и здесь нужно выбирать: между прекрасной женой и прекрасной любовницей. Для брака мой случай – наилучший, ибо, имея я жену, которая талантлива в любви, а значит, дурную жену, мне было бы невозможно восполнить недостаток таланта жены на стороне. Найти же талантливую любовницу на стороне не составляет труда.

Я понимал, что для женитьбы темперамент N. самый удобный. Будь у нее всеядный голод Z. или R. она меня бы уморила. Но не прохлада N., а мое безразличие к ее телу – вот что оскорбляло меня. Мое сердце не могло смириться с тем, что я могу лежать с обнаженной N. и заснуть, не желая овладеть ею. Это было невозможно, немыслимо для меня ни с одной женщиной, а N. – самая красивая из всех моих женщин – оскорила меня. Я бесстрастно смотрел на нее и думал, что, окажись сию минуту на ее месте любая женщина, пусть даже некрасивая, я бы набросился на нее с похотью, которую N. уже никогда во мне вызвать не сможет. И злоба закипала во мне на N., и еще сильнее тянуло меня на других женщин.

Новизна тела сильнее любви, сильнее красоты, но я не желал, чтобы она оказалась сильнее моей верности жене.

* * *

Я старался, чтобы N. поскорее забрюхатела. Первые месяцы нашего брака, до того как в N. влюбился свет, она изрядно тяготилась своим досугом. Я учил ее играть в шахматы, дал ей читать «Историю» Карамзина, но это нагнало на нее еще большую скуку, зато дурацкие французские романы она могла читать подолгу и с детским увлечением. Однажды я прочел ей пару своих пьесок, но она прослушала их с таким равнодушием во взоре, что я боле не решался докучать ей своей поэзией, а она и не спрашивала.

Самое большое удовольствие она получает от новых тряпок и от комплиментов ее красоте. Это меня умиляло и ничуть не огорчало. Я знал, что, когда пойдут дети, она будет занята настоящим делом. Покамест она могла заниматься вышиванием, а я – наблюдать за ее красивым личиком, которое приносит мне удовольствие уже более эстетическое, чем эротическое.

Половина моей жизни, связанная с поэзией, была безразлично отвергнута N. Оставалась другая половина – любовь, в которой острота ощущений исчезла, а потому страсть уступила место нежности. Но только в остроте ощущений мы находим упоение.

Я, гордившийся своей славой любовника не менее, чем славой поэтической, я в семейственной жизни не находил места для своего поприща. N. тешила мое тщеславие своей красотой, добротой и невинностью. Но невинность постепенно превратилась в кокетство, доброта – в сентиментальность, а красота стала для меня привычной и потому незаметной. Только когда все восхищаются красотой N., я испытываю гордость, которая, увы, все чаще превращается в ревность.

В первый раз в моей бурной жизни я стал изо дня в день засыпать и просыпаться с одной и той же женщиной. Сладость новизны всегда быстро теряла для меня свою прелесть, и я, не задумываясь, менял любовниц или прибавлял к одной другую. Я с прискорбием понимал, что женатому человеку так поступать не подобает.

Разница между женой и любовницей в том, что с женой ложатся в кровать без похоти. Потому-то брак и свят, что из него постепенно вытесняется похоть и отношения становятся или дружескими, или безразличными, а часто и враждебными. Тогда обнаженное тело уже не считается грехом, потому что не вводит в соблазн.

Иногда я испытывал успокоение, тихую радость, глядя невинно на мою Мадонну (ведь только так и надо смотреть на Мадонну). Похоть становилась малой частью нашей жизни, большей частью было наше сожительство, полное забот и мелочей; сожительство, оскоряющее страсть. Пизда N. непростительно, но неизбежно стала восприниматься мною как должное.

Я смотрел на кинжал, мирно висевший на стене, и думал, что и мне больше не видеть «любовного боя», не чувствовать запаха горячей крови.

* * *

Меня стали преследовать фантазии, и это было делом рук дьявола. Перед моим мысленным взором проходили женщины, которых я имел в разные периоды моей жизни. Особенно меня мучили воспоминания о тайных оргиях у Z.

Став ее очередным любовником, я выеб ее семь раз в первую ночь. Она сказала, что кончила за это время раз двадцать, но ничуть не устала. Z. была из тех женщин, чье желание никогда полностью не удовлетворяется, а лишь приспосабливается к возможностям любовника. Я признался, шутя, что не отказался бы от помощников. Она серьезно ответила, что хочет их тоже и как можно больше. Так из любовника я стал сводником, о чем давно мечтал.

Я с юности обнаружил в себе жажду наблюдателя и в борделях искал случая подглядывать за парочками, а при благоприятных обстоятельствах и присоединяться к ним с моей сиюминутной подружкой.

Z. мечтательно призналась мне, что в ней сокрыто столько возможностей, что она легко представляет себя со многими мужчинами одновременно. Но она решила начать с двух. Мы договорились, что на балу Z. укажет мне на улана, которого она заметила, но с которым не была знакома. Я должен буду предложить ему повеселиться втроем на Каменном Острове. Имя ее, конечно, я должен был сохранять в строжайшей тайне. Чтобы улан не узнал ее, она встретит нас голая и с маской на лице. Она не произнесет ни слова, чтобы голос ее не был узнан, и при необходимости она будет говорить только со мной, шепча мне на ухо.

Когда я сказал улану, что красавица, пожелавшая остаться неизвестной, хочет провести время с ним и со мной, мне стоило немалого труда успокоить его нетерпение, чтобы дождаться назначенного часа. Я взял с него слово, что все останется в тайне и что он согласится покинуть дачу по первому требованию. Прислуга была отпущена, и мы прошли в спальню по плану, который мне начертила Z. Я постучал условленным стуком в дверь и распахнул ее. У кровати горела одинокая свеча, которая освещала полулежавшую Z. Ноги она развела навстречу нам. Хитроумная маска делала ее лицо неузнаваемым, но открывала необходимое: рот, ноздри, глаза.

Мой помощник – я буду звать его А. – произвел звук, напомнивший радостное ржанье. Мы быстро скинули наши одежды и бросились на Z. утолить первый голод.

Через час она дала мне знак, что нам пора уходить. На обратном пути А. восторгался содеянным и старался угадать, кто это была. Я лишь ухмылялся и напоминал ему о данном мне слове не пытаться узнать имени нашей любовницы.

На следующий день я чуть свет явился в дом к Z., чтобы с ней по косточкам разобрать наше приключение. Но вместо радостных восклицаний я услышал лишь укоры, что А. думал только о себе, а я не следил за ним, и в результате мы действовали не слаженно, как ей хотелось, а порознь. Главным для нее было, чтобы ритм наших движений совпадал. «Я хочу чувствовать, – сказала Z., – что меня ебет один умелый мужчина со множеством хуев, а не кобели, только и думающие, как бы побыстрее кончить».

Я оскорбился, но она заверила меня, что, говоря «кобели», она имела в виду не меня, коего она чтит прежде всего за еблю, а уже потом за стихи, но других мужчин, о которых она и хочет поговорить.

Тут она зарделась, но не от стыда, а от желания, и сказала, что хочет еще одного. Только теперь я должен взять на себя обязанность – руководить, задавать ритм остальным, а они должны будут подчиняться. Подчинение моим указаниям будет еще одним условием их участия в оргии, помимо сохранения тайны.

Z. разработала детальный план. Сколько горячего сока (живо представил я) ушло у нее на обдумывание всех важнейших мелочей. Она дала мне указания, как она хочет расположить всех участников. Первый будет лежать на спине, и она сядет на него; второй должен пристроиться со спины и заполнить ей зад, а я встану перед ее ртом. Я, как дирижер, должен руководить ритмом остальных, подавая им пример ритмом собственных движений.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Отклики на «Тайные записки» тогда же начали собираться Давидом Баевским и составили отдельную книгу. «Парапушкинистика» Давида Баевского за пятнадцать лет неоднократно переиздавалась и дополнялась. Для удобства читателя отклики на «Тайные записки», переписка издателей с «критиками» и комментарии Д. Баевского расположены в ней по хронологии, см.: Баевский Д. Парапушкинистика. Minneapolis: M.I.P. Company, 1996. Новейшие дополнения размещены на сайте издательства: <http://www.mipco.com>.

2

Очевидная слава поручика Ржевского на сексуальном поприще эксплуатируется в современном рекламном бизнесе, который всегда ориентирован на мифы массового сознания. Недавно выпущены в продажу отечественные презервативы марки «Гусарские» – вероятно, со шпорами?

3

В 1976 году эмигрировать из СССР можно было только в Израиль. Однако в то время дипломатические отношения между СССР и Израилем были прерваны, и интересы Израиля в Советском Союзе представляла Голландия. Поэтому для того, чтобы получить израильскую визу, надо было явиться на прием в голландское посольство в Москве. (Примеч. автора.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/armalinskiy_mihail/taynye-zapiski-a-s-pushkina-1836-1837

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)